

Глава 5. Решающая четверть века: эпоха Александра II.

Как известно, в конце царствования Николая I российское имперское самосознание получило сильнейшую политическую оплеуху. Перед лицом все возраставшей агрессивности и наглости действий царского правительства европейские державы осознали, наконец, все лицемерие его политики и серьезность исходящей с Востока угрозы, о которой, кстати говоря, писал в 1849 г. применительно к своей стране, но на основе анализа ситуации вдоль всей российско-европейской границы молодой Энгельс: «Полмиллиона вооруженных и организованных варваров только ждут подходящего момента, чтобы напасть на Германию и превратить нас в крепостных православного царя» 1). Европейцы в какой-то мере объединили усилия, и в ходе войны, получившей впоследствии название Крымской, англо-французский экспедиционный корпус преподал русским весьма болезненный, но отрезвляющий урок. Российское общество испытало сильнейший психологический шок. Дело было даже не столько в самом поражении, сколько в крушении единственного самоутраченного и оправдывающего все внутренние неурядицы стереотипа - мифа о военном превосходстве.

Но нет худа без добра. Иное поражение приносит обществу больше пользы, чем любая победа, ибо победа укрепляет существующий порядок вещей, а поражение ставит его под сомнение, провоцирует к изменению. Таким образом, **в обществах, нуждающихся в модернизации, поражение, служа катализатором изменений, выполняет целительную функцию.** Так случилось и в России.

Поражение вывело страну из состояния дурмана. Общество осознало необходимость перемен, а смерть царя, олицетворявшего собой стабильность, устойчивость существующего порядка, породила надежду на осуществимость этих перемен. Реакцией на изменение общественных ожиданий стал практически мгновенный всплеск социально-критической мысли, бурное развитие неподцензурной литературы, что в условиях жесткого политического режима, видимо, вообще можно рассматривать

как необходимую предпосылку для созревания общественного самосознания, как обнадеживающее свидетельство его способности и интереса к самоанализу. «сам-» и «тамиздат» середины XIX в. подготовили моральный климат для последующих перемен.

Социально-критические очерки, статьи, зарисовки, прожекты расходились по России в сотнях рукописных экземпляров. Однако главным рупором социальной критики был «тамиздат» - герценовская «Вольная русская типография». Важнейшим этапом истории вольной русской печати стало издание сборника «Голоса из России», который по сравнению с другими герценовскими изданиями носил менее радикальный, либеральный характер.

Первая книжка «Голосов из России», начавших выходить в Лондоне летом 1856 г., открывается «Письмом к издателю» - своего рода программным заявлением о принципах свободного слова и его роли в исцелении России: «Необыкновенные политические события последнего времени вызвали чрезвычайные, небывалые явления в умственной и нравственной жизни России. Она вся, от царя до поденщика, встрепенулась от мертвенного оцепенения, в которое до сих пор была погружена, удивленными глазами измерила свое бедственное положение, и плодом этого была как бы волшебством вызванная обширная рукописная литература, предлагающая ответы на тысячи вопросов современной русской жизни... Она не что иное, как горькая исповедь: но несмотря на всю щекотливость нашей национальной гордости, несмотря на всю тяжесть раскрытия перед посторонними, особливо в теперешнюю минуту, глубоких язв и болезней нашего общественного быта, редкий русский не понимает потребности, даже необходимости обнародовать важнейшие, достойнейшие произведения современной рукописной литературы нашей» 2).

Первая статья сборника была целиком посвящена доказательству жизненной необходимости для общества свободной печати, тщетности и отрицательным последствиям полицейских попыток заблокировать развитие неподцензурной литературы. Это был первый в России четкий, развернутый и прекрасный по форме опыт обоснования либерального взгляда на печать 3).

Автор «Записки о письменной литературе» с достоверностью не установлен. Однако у специалистов не вызывает сомнения принадлежность ее перу либо К.Д. Кавелина, либо Б.Н. Чичерина, либо кого-то из их единомышленников, поскольку она со всей четкостью выражает позицию либералов. Итак, 50-е годы были периодом, когда на авансцену идейной жизни России выступила группа, которую принято называть **либеральной интеллигенцией**.

С нелегкой руки наших предреволюционных социал-демократов, а затем большевиков слово «либерал» долгое время имело в нашем политическом лексиконе лишь пренебрежительно-уничтожающий, почти оскорбительный смысл. Обычно оно употреблялось в соединении с такими характеристиками, как «трусливый», «мягкотелый», «беспринципный», и даже с еще более грубыми эпитетами. Однако вся эта брань в конечном счете служит свидетельством не столько против либералов, сколько против их очернителей, поскольку показывает их ограниченность, догматический экстремизм, неспособность к конструктивному диалогу с выразителями, казалось бы, не столь уж далеких от них, но более умеренных взглядов.

Конечно, наиболее оголтелая ругань в адрес либералов исходила из уст большевиков и других экстремистских группировок. Но если бы все ограничивалось голосами одних экстремистов!.. Ведь выкрики крайних зажигают массу только в кризисные периоды, а в ситуации хотя бы относительной стабильности они практически не оказывают влияния на массовое сознание. Однако в своем негативном отношении к либеральной позиции с «бешеными» солидаризировались и более умеренные круги, которые по своим конечным общественно-политическим идеалам были не так уж и далеки от либералов. Даже наиболее широко мыслящий, уравновешенный и самый глубокий из лидеров социал-демократии Г.В. Плеханов в своих нападках на либерализм, к сожалению, не слишком отличается от большевиков. В плехановской критике либералов преобладали выпады и диффамации личного характера либо походя разбрасываемые бездоказательные покровительственно-уничтожительные замечания вроде: «Убеждения этого честного, бескорыстного и деятельного человека

(М. М. Стасюлевича. - А. О.) носили на себе печать того отвлеченного русского либерализма, который по самой природе своей осужден на полнейшее бессилие» 4).

Но обратимся к содержательному анализу явления либерализма. Это понятие включает в себя весьма широкий диапазон политических воззрений и разновидностей политического поведения. Поэтому вынесение оценок применительно к либерализму в целом, без учета специфики той или иной его разновидности, а также конкретной исторической среды, в которой он существует, было бы некорректным. Но поскольку мы говорим о явлении весьма конкретном - русском либерализме середины XIX в., - то можем высказаться достаточно определенно.

Так вот, по нашему мнению, русские либералы рассматриваемого периода были наиболее зрелой и передовой в политическом отношении общественной группой тогдашней России. Для их политического мышления характерны глубина социального анализа явлений русской общественной жизни, острота критики режима и в то же время готовность к диалогу с любым сколько-нибудь склонным к социальной модернизации правительством. Либералы унаследовали персонцентристскую этику лучших представителей поколения декабристов, но одновременно и усвоили негативный опыт их политического радикализма. При всем том социально-политическая программа либералов носила отнюдь не косметический характер, а была направлена на изменение самих основ механизма осуществления власти и общественных отношений в России. **Именно основ, а не режущих глаз поверхностного наблюдателя политических форм, действительно безобразных, но вторичных.**

Познакомимся сначала с социально-критической стороной либеральной доктрины. Она имеет глубокий и всесторонний характер, затрагивая почти все сферы общественной жизни. Помимо уже освещенной нами недвусмысленной позиции в вопросе о свободе печати она содержит массу глубоких диагностических констатаций. Здесь и уничтожающая критика крепостного права с хозяйственной, правовой и нравственной

сторон (в частности, в нравственном плане говорится о его развращающем воздействии на все сословия, но особенно на дворянство 5)); и понимание того факта, «что то только государство крепко и могущественно, которое основано на справедливых и свободных отношениях между подданными» 6); и анализ страшного ущерба, который наносит обществу наличие всеильного и продолжающего усиливаться правительства при совершенно отстраненном, отчужденном от государственной власти народе 7); и, кажется, впервые тогда появившаяся в российских умах мысль о желательности военного поражения страны как о спасительном средстве, единственной возможности остановить дальнейшее гниение 8); и признание русского бюрократизма наихудшей разновидностью этого рода зла, поскольку он соединяет в себе традиционную русскую привычку к обрядности, наложившуюся на нее немецкую страсть к формалистике в управлении и автократический идеал полицейского государства 9); и тормозящие естественную миграцию населения запутаннейшие в мире паспортно-регистрационные правила 10); и поощряемое тайной полицией политическое доноительство как опаснейший из видов нравственного растления народа 11); и насильственная русификация и обращение в православие нерусских национальностей империи 12); и стремление к казарменному единообразию, желание «на всех надеть один мундир 13); и привычка водить народ «целый век на помочах» 14); и полная гражданская апатичность народа, и доходящая до абсурда мания засекречивать все и вся 15). Наконец, подлость как краеугольный камень всего общественного здания России: «... она проникает во все отношения, во все меры правительства, во все действия народа; она составляет внутреннюю сущность общественного духа, связь, соединяющую царя с подданными, ибо мы только по имени перестали быть холопами, а в душе сохранили все свои веками приобретенные холопские привычки, свою холопскую преданность, свою холопскую трусость, свое холопское низкопоклонство» 16).

Далее вполне в токилевском духе развенчивается все родовитое русское сословие, которому автор статьи отказывает даже в праве

называться аристократами: «...аристократия у нас не существует... у нас есть только знать, низшая и последняя форма аристократии» 17). Происшедшее при Петре I приобщение верхушки русского общества к западноевропейским культурным образцам, по его мнению, также не принесло ничего хорошего, ибо русская знать в ходе этого процесса полностью утратила связь с собственным народом, а взамен приобрела лишь поверхностный внешний лоск, но отнюдь не государственную мудрость 18).

Несколько особняком стоит среди материалов сборника «Шнуровая книга обличений» - некое подобие нелегально издававшейся в СССР с 1968 г. «Хроники текущих событий». К сожалению, она не превратилась в периодическое издание 19). В ней наряду с разоблачением конкретных преступлений и злоупотреблений власть имущих подчеркивается, что ГЛАСНОСТЬ есть единственное средство против общего зла, против «повсеместного, так глубоко внедрившегося растления гражданских нравов» 20).

В своей критике либералы отмечали не только такие лежавшие почти на поверхности вещи, как то, что главными добродетелями в официальной структуре отношений были отнюдь не ум, не инициативность, а раболепие и нерассуждающая исполнительность - «нужны не умники, а исполнители», не только всеобщую тупоголовость - «чего удивляться, что у нас нет голов, когда мы их 30 лет снимали». Они приближались к пониманию таких далеко не очевидных и сейчас (а в то время и подавно) зависимостей, как глубинная, идейная общность самодержавия и коммунизма 21).

Анализу либеральной критики общественной жизни России можно посвятить целую книгу. Но не в этом наша задача. Суть же позиции либералов, очевидно, уже достаточно ясна. Одним словом, либерализм конца 50-х - начала 60-х годов, не сжигая при этом мостов для диалога с властью, назвал и диагностировал такое количество социальных язв, что даже частичное, вроде бы не затрагивающее основ их исцеление изменило бы сущность режима. Таким образом, следование либеральным рецептам могло бы привести к тому, что без особого шума в стране *de facto* установился бы новый порядок, при котором еще

некоторое время продолжали бы существовать формы прежней системы, но наполненные уже совершенно иным содержанием. Произошла бы мирная и сравнительно быстрая эволюция системы. Вот в чем состоял не так уж глубоко законспирированный стратегический замысел либералов.

Позитивная программа либералов, так же как и критика, обращена почти ко всем главным сферам жизни общества. В частности, одним из важнейших условий нормального общественного развития либералы считали раскрепощение и всемерное поощрение частной инициативы. Только свободно действующие и лично заинтересованные в успехе своих начинаний люди способны продуктивно решать стоящие перед страной проблемы. Никакой гигантской, претендующей на универсальность государственной машине это не под силу. А чтобы подобное стало возможным, государство должно максимально самоограничить себя.

Внешне программа либералов довольно умеренна и не предполагает каких-либо изменений в системе политических отношений общества. Однако либералы понимали гораздо больше, чем публично произносили. Они прекрасно сознавали несовместимость своей программы с существующей политической структурой и режимом. Но они избрали, как им казалось, наиболее реалистичный с тактической точки зрения путь: начинать не с шумной борьбы за политическую власть, а исподволь уговорить режим «для его же собственного блага» немного измениться; тем самым откроется дверь и для важных политических изменений, которые к тому же, произойдя на уже подготовленной почве, станут необратимыми. В частном письме (1862) Кавелин достаточно прямо писал об этом Герцену: «Крепко и здорово устроенный суд, да свобода печати, да передача всего, что прямо не затрагивает единства государства, в управление местным жителям, - вот на очереди три вопроса. Ими бы следовало заниматься вместо игры в конституцию. За разрешением их конституция пришла бы сама собою, как необходимое последствие dans une couple d'annes» 22).

В основе преобразовательной программы либералов лежала вера в творческие возможности личности, в способность освобожденного от

деспотической опеки индивида успешно разрешать любые проблемы. Конечно, эти идеи не были оригинальны. Концепции утилитаризма, лессеферизма и «государства - ночного сторожа» к тому времени уже пустили разветвленные корни в западном сознании. Однако для России подобная идеология была совершенно новой. Она полагала человека «мерой всех вещей» и исходила из наличия у него огромного потенциала для саморазвития, самосовершенствования. Поэтому мы можем с полным основанием утверждать, что те либералы твердо стояли на позициях идейного персонцентризма с соответствующей шкалой ценностей, ориентациями и этикой. В этом отношении их можно считать преемниками раннего, мирного периода декабризма, но преемниками, которые пошли гораздо дальше и были гораздо последовательнее своих духовных предшественников.

При советском режиме либералов обычно обвиняли в двух основных грехах - раболепстве перед властью и половинчатости, компромиссности, логической незавершенности их программы. На наш взгляд, оба обвинения несправедливы. Взятый либералами на вооружение почтительный, подчеркнуто благонамеренный, а временами даже угодливый по отношению к правительству тон в самом деле несколько режет ухо.

Искандер-Герцен очень негодовал по поводу этой особенности русских либералов: «Нет, господа, делайте как знаете, мы не пойдём по вашей дороге, по ней, пожалуй, дойдешь до чина тайного советника, а нам хочется остаться явными советниками, говорить открыто и смело истину» 23). Но нам кажется, что Искандер в данном случае переносит свое неприятие стиля, тактики либералов на существо рассматриваемых вопросов. А ведь по своим ориентациям и идеалам он (во всяком случае в тот период) был от них не так уж далек. Да и позднее его основной мишенью в либеральном лагере был, как известно, М.Н. Катков. Каткова же, строго говоря, нельзя относить ни к либеральному, ни к какому другому политическому направлению, ибо его общественная биография свидетельствует об отсутствии у него определенной политической платформы. Он был типичным приспособленцем, карьеристом, который избрал либерализм лишь в качестве трамплина для личной карьеры.

«Перерождение» Каткова не есть проблема либерального движения. Такого рода люди не могут бросать тень на движение, так как они лишь спекулируют на его идеалах, но идейно к нему не принадлежат.

Для подлинных же либералов подчеркивание своей благонамеренности и уважения по отношению к власти являлось прежде всего **тактическим приемом**, применяемым с совершенно конкретной целью - быть услышанными адресатом, к здравому смыслу и чувству политической ответственности которого они апеллировали. Отсюда и постоянные заверения в том, что народ русский не помышляет о революции и социализме и тем более о каком-либо ограничении царской власти, целиком уповая на ум и доброту молодого царя и пр. Либералы считали, что не следует запугивать и озлоблять власть, от которой ожидаешь важных уступок и новый курс которой к тому же еще не определился. Тактика спорная, но сам по себе расчет вполне политически зрелый и, кстати, отчасти оправдавшийся. О причинах же, по которым он оправдался только частично, разговор пойдет ниже.

Что же касается пресловутой «половинчатости» либералов, то она в самом деле имела место. Однако для обозначения этой черты их мировоззрения представляется более уместным употреблять слово «умеренность». А умеренность, как известно, является пороком лишь в глазах экстремистов. Действительно, либералам, несмотря на масштабность и глубину предлагавшейся ими программы общественных преобразований, были абсолютно чужды какие-либо экстремистские установки. Они отвергали политический радикализм как метод решения социальных проблем. Политическая конфронтация с властью, по мнению либералов, при любом ее исходе способна привести лишь к трагедии. В случае победы власти наступит торжество реакции, идущей «сверху», как случилось после декабря 1825 г. В случае поражения власти общество неизбежно захлестнет волна реакции, идущей «снизу», поскольку радикалы, чтобы победить, должны будут натравить на власть народную массу, заглушив в ней на время стереотип покорности посредством развязывания ее глубинных варварских инстинктов.

Тогда либералы еще не понимали со всей ясностью закономерность, неизбежность вступления в силу этой роковой цепочки связей. Такое понимание и формулирование проблемы пришли позднее. Пока же они ощущали ее как бы «кожей», на эмпирическом уровне. Примеры подобного развития событий либералы могли почерпнуть из опыта как Французской революции, так и отечественных крестьянских бунтов. И в том, и в другом случае разгулявшаяся народная стихия оказывалась страшнее, чем самая деспотическая власть. Единственной силой, способной не допустить торжество этой стихии, с точки зрения либералов, является государство. Потому-то Чичерин и рассматривал государство, с одной стороны, как реформирующее начало, а с другой - как начало охранительное (за что получил от радикалов обвинения в «профессорско-лакейском глубокомыслии» и апологетике монархии).

А между тем, как мы теперь знаем, опасения либералов отнюдь не были напрасными. Их «боязнь народа», над которой так любили издеваться Ленин и его единомышленники, была продиктована отнюдь не беспокойством за собственное благополучие. Она порождалась страхом за судьбу национальной культуры, тех прогрессивных начал, которые прививались к ней с таким трудом и еще не пустили глубоких корней. А вопросы этого рода русские интеллигенты воспринимали как глубоко личные, ставя их гораздо выше собственного материального благополучия, которым, кстати, всегда легко жертвовали.

Резкое размежевание либералов с радикалами произошло в 60-е годы. Именно тогда прозвучали в адрес либералов обвинения в ренегатстве, переходе на охранительные позиции и пр. Действительно, в те годы либеральные выступления стали еще более умеренными по тону, и все чаще в них звучали слова одобрения по поводу тех или иных действий правительства. Причин тому было несколько. Среди них можно назвать и проводившуюся Александром II внутреннюю политику, которая в определенной мере удовлетворяла минимальные пожелания либералов (24), и вспышку национального шовинизма в связи с польским восстанием 1863-1864 гг., когда среди части либеральных кругов не окрепшая еще система общечеловеческих ценностей не выдержала атмосферы традиционного казенно-патриотического угара. И, конечно, очень

существенным фактором, оказавшим на либералов отрезвляющее воздействие, стал подъем радикалистской идеологии.

Крайним выражением этой идеологии была появившаяся на гребне послереформенной вспышки насилия в стране прокламация «Молодая Россия». Авторы прокламации ничтоже сумняшеся заявили, что не испугаются, если для ниспровержения современного порядка придется пролить крови втрое больше, чем пролили в свое время якобинцы. С позиций, в общем близких к этим, выступил и Н.Г.Чернышевский, бросивший в революционную среду печально известный клич «К топору зовите Русь!», а также четко сформулировавший принципиальное различие между радикальным и либеральным подходами к возможным путям осуществления социальных преобразований. В статье «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» он пишет, что демократам (понятия «демократ» и «радикал» автор употребляет как синонимы) практически безразлично, каким путем будет изменено общество, что радикализм «расположен производить реформы с помощью материальной силы и для реформы готов жертвовать и свободой слова, и конституционными формами» 25). Иными словами, свобода - не цель преобразований, а лишь одно из возможных средств для достижения нового общественного порядка, а сами по себе свобода и конституционные формы не обладают какой-либо самостоятельной ценностью. По тактическим соображениям их можно использовать, а можно и отбросить.

Отсюда лишь полшага до иезуитского «цель оправдывает средства». И эти полшага были сделаны очень быстро. На всю Россию прогремело «нечаевское дело». Созданная С.Г. Нечаевым революционная организация под знаменательным названием «Народная расправа» и ее деятельность вошли в мировую культуру благодаря Ф.М. Достоевскому под именем «бесовства» и «шингалевщины».

Идеи революционного действия получили значительное развитие и воплощение в деятельности и работах М.А. Бакунина. Он пошел дальше теоретического обоснования правомерности бесчеловечных отношений в революционной среде и ничтожности жизни любого индивида по сравнению с фантомом Революции, дальше оправдания «бесследной

гибели большинства» во имя торжества абстрактной революционной идеи. В качестве средства для развертывания революционного процесса Бакунин призывал опираться на существующее в народе чувство ненависти, ориентироваться на развязывание народного бунта, «анархическо-социальной ликвидации», в котором революционная партия должна играть роль «коллективного Стеньки Разина». В одном из плехановских набросков из истории революционного движения так сформулирована идеология Бакунина: «Бунтарство Бакунина. Лавров советует действовать на рассудок. Бакунин - на чувство, чувство ненависти народа к его эксплуататорам. Отрицание науки. Превознесение исторических разбойников: Пугачева, Стеньки Разина и т.д. Совет и теперь сблизиться с разбойниками. ...Нетрудно понять, какое из этих двух направлений должно было взять верх в среде молодежи, жадно стремившийся к борьбе с правительством за освобождение народа» 26). Мы знаем, какое из направлений взяло верх.

В революционном движении радикалов выступил в новом обличье все тот же традиционный российский системоцентризм, причем проявился он в самых крайних, уродливых и беспощадных своих формах. В радикальной доктрине значение отдельного индивида практически равнялось нулю. Более того, данная позиция была возведена в принцип и провозглашалась не без некоторой цинической бравады. Это был прямой вызов самому персонистскому духу европейской культуры, перечеркивание всех достижений русской общественной мысли XIX в. Огромный шаг назад делался радикалами не только от современной им либеральной идеологии. В известном смысле радикалы опустились даже ниже базового уровня традиционной системоцентристской идеологии, ибо они стали системоцентристами не по неведению, а сознательно отринув уже достаточно развитую и хорошо им известную историческую альтернативу. **Думается, что есть основания рассматривать русский радикализм 60-70-х годов как первоначальную форму тоталитаристской идеологии, полстолетия спустя захлестнувшей целые огромные районы мира.**

Вот на каком фоне произошло так называемое поправление либералов! Вот в каком контексте следует рассматривать их апелляцию к охранительной силе государства!

Следует отдать либералам должное. С первых же выступлений радикалов они почувствовали опасность, исходившую от этого направления политической мысли, от этого демонического умонастроения. Уже в 1862 г. Кавелин написал Герцену взволнованное письмо в связи с тем, что «Колокол» стал склоняться к радикальной позиции: «Не вынимайте меча, кто вынет меч, тот погибнет мечом... Мир стоял до сих пор на насилии и казнил. Не прибегайте к насилию, и будет хорошо...» Далее он прямо обращался к Герцену: «Когда ты обличал у нас все с невиданной смелостью, когда ты бросал в гениальных своих статьях и памфлетах мысли, которые забежали на века вперед, а для текущего дня ставил требования самые умеренные, самые ближайшие, стоявшие на очереди, ты мне представился тем великим человеком, которым должна начаться новая русская история... После ты несколько уклонился от этой программы. Тебя взяло нетерпение и досада. Из мыслителя, обличителя ты стал политическим агитатором, главою партии, которая во что бы то ни стало хочет теперь же, сию минуту, водворить у нас новый порядок, и если нельзя мирными средствами, так переворотом» 27).

Герцен, как мы знаем, через несколько лет отшатнулся от радикалов. Но само радикальное движение продолжало набирать силу. Отдельные провалы и правительственные репрессии только усиливали его, делали более опытным и изощренным. Уж слишком большой привлекательностью для полуобразованных горячих голов обладала радикальная идеология. Для этого в ней было все: романтика тайны, «плаща и кинжала»; ощущение личной причастности к вершению судеб Истории; возможность активного, заметного своими результатами действия; надежда на скорую отдачу; простота доктрины, в которой «зло» отличается от «добра» почти столь же четко, как в детских сказках, а путь к «добру» так подкупающе ясен; наконец, иллюзия возможного сохранения традиционных «здоровых» начал народной жизни и даже их укрепление посредством радикального очищения от всего «дурного»,

якобы привнесенного. Эта иллюзия существовала большей частью на подсознательном уровне, но порой прорывалась и в формулируемую идеологию, например через преклонение перед крестьянской общиной как прообразом будущего общества. Иными словами, **подразумевалась возможность сохранить традиционный системоцентризм с его общинной моралью, но радикально очистив его от якобы чужеродных ему многовековых наростов имперской морали.** В рамках нашей схемы ясно, что **намеченная программа революционных изменений предполагала сохранение общества в пределах все того же социально-этического генотипа и даже возрождение его исторически более ранней формы. Так радикализм оборачивался неплохо замаскированным, но, по сути, самым крайним консерватизмом.** Но тогда все представлялось иначе. И даже бывшие в набат либералы не сознавали подлинной глубины той пропасти, в которую толкал общество радикализм.

Впрочем, к либералам прислушивались тогда (как и в других случаях) очень мало. Их призывы будто не достигали ушей официальной России. На вспышку радикализма власть отреагировала привычным, не раз испытанным способом - усилением полицейского подавления и устрашения. Но мысль о том, что принципиальная победа над радикалами может быть достигнута только посредством устранения тех аномалий общественного развития, тех социальных несправедливостей, которые служат для них питательной средой и крайней, неадекватной реакцией на которые, собственно, и является радикализм, не воспринималась сознанием официальных кругов.

Ведь если принять ее всерьез и последовать советам либералов, то следовало отважиться на такие перемены, которые подорвали бы ничем до сих пор не ограниченную возможность правящей элиты распоряжаться страной по своему произвольному усмотрению. А для такой «жертвы» обладатели всех степеней власти оказались явно не созревшими.

В правящих кругах отнюдь не были склонны преуменьшать серьезность исходящей от радикалов угрозы. Однако обладатели привилегий были

готовы скорее погубить общество, нежели лишиться возможности бесконтрольно доить его. Увы, события подтвердили, что в своих нравственных аспектах диагноз, поставленный либералами современному им российскому обществу, несмотря на его суровость, был еще даже чрезмерно оптимистичным.

К тому же режим, видимо, на каком-то подсознательном уровне ощущал, что радикалы со всеми их бомбами, зажигательными речами и угрозами до основания разрушить общество с некоторой точки зрения все-таки менее для него опасны, нежели либералы, что крайности где-то соединяются. Во-первых, против радикалов у власти имелось надежное, никогда не подводившее оружие - сила; против же либералов оно не слишком годилось, и власть должна была искать для борьбы с ними иные, более тонкие средства, т. е. вступать в сферу, где она чувствовала себя значительно менее уверенно.

Во-вторых, радикалы, несмотря на весь нигилизм их лозунгов, по своим общественно-политическим идеалам были гораздо ближе к представителям *ancien régime*, чем это кажется на первый взгляд, поскольку их целью являлось лишь перевертывание пирамиды власти по принципу «кто был ничем, тот станет всем», а не изменение самой социально-этической структуры отношений, самого «людодерского» порядка. Иными словами, они стремились к созданию новой модификации общества, которая, однако, должна была продолжать функционировать согласно все тем же законам, т. е. оставалась бы в рамках прежнего, системоцентристского типа отношений. И власть каким-то «шестым чувством» воспринимала радикалов как хотя и дальних, агрессивно настроенных, но все же родственников.

Либеральная же программа, несмотря на свою кажущуюся «половинчатость», «соглашательскую» тактику и якобы полную подконтрольность власти, в конечном счете несла с собой неизмеримо более глубокие и существенные изменения. Ее последовательное воплощение в действительность должно было размыть самую основу существующего порядка, в корне изменить принципы взаимоотношений в российском обществе. Конечно, для того чтобы либеральные преобразования в полной мере принесли плоды, должно было смениться

не одно поколение. Но **в перспективе этот путь вел к изменению самого культурного генотипа**, поскольку менялись его главные компоненты: в общественной морали различные модификации традиционализма постепенно должны были уступить место этике индивидуализма, стал бы вырабатываться новый тип политической культуры, в котором развивались бы иные, не деспотические, а либеральные стереотипы политического поведения, наконец, модернизировалась бы шкала социальных ценностей и тем самым изменения коснулись бы социально-психологической основы жизни народа - его национального характера. Русское общество перешло бы на персонцентристский путь развития. С некоторого момента перемены стали бы необратимы, а имперский политический ancien regime неизбежно угас бы естественной смертью.

Так могло случиться, но не случилось. Режим не проявил достаточной гибкости, а давление на него либеральных кругов общества оказалось слишком слабым. Если в крестьянском вопросе власть нашла в себе достаточно мужества для принятия кардинального решения, то в большинстве других сфер ее действия были вялыми, нерешительными, а порой и просто непоследовательными (как в случае с Судебной реформой 1864 г. и последовавшими вскоре контрреформами).

Во внутренней политике России твердость и последовательность проявлялись, как правило, всегда в одном направлении - против любых попыток как-то изменить существующий общественный порядок. Особенно решительно и неумолимо действовала власть в тех случаях, когда она чувствовала какое-то подобие угрозы своей монополии в области контроля над душами, над мыслями подданных.

Если на Западе история борьбы за свободу совести - это история слабевших со временем приливов и отливов (периодов терпимости, прерывавшихся вспышками фанатизма и жестоких преследований инакомыслящих, а также постепенной эволюции в сторону признания права личности на любые убеждения), то в России это история непрекращающегося давления «сверху» на массовое сознание и беспощадных расправ с носителями любых, отличных от общепринятых

взглядов. Всякая форма инакомыслия в России всегда рассматривалась как государственное преступление.

Постоянный извечный страх власти перед свободой совести отлично виден на примере непрерывного двухвекового государственного преследования раскольников. По своей жестокости эти преследования отнюдь не уступали пресловутой испанской инквизиции, а по масштабу далеко превосходили ее. Есть и другие важные отличия российской и романской форм борьбы с религиозным диссидентством, которые свидетельствуют отнюдь не в пользу наших соотечественников. Я, конечно, вовсе не намерен пытаться как-то реабилитировать инквизицию, однако для сравнения хотел бы напомнить, что, во-первых, из примерно шести столетий своего существования инквизиция более или менее широко практиковала террор лишь в течение нескольких десятилетий, а в остальное время ограничивалась в основном наложением епитимий и малыми аутодафе, т. е. мерами морального воздействия; во-вторых, инквизиционный процесс, при всех его отвратительных садистских чертах, все-таки носил характер преследования отдельных лиц, а не групп населения; в-третьих, деятельность инквизиции, за некоторыми исключениями (как, например, приведение в исполнение смертных приговоров), в основном проходила независимо от светской власти, иными словами, государственная машина подавления, как правило, непосредственно не участвовала в преследованиях граждан по идеологическим мотивам 28).

В России же всех этих ограничений не существовало: кары к раскольникам применялись самые жестокие (достаточно, например, вспомнить, что сожжение староверов долгое время было едва ли не обычным делом), до индивидуального разбирательства «вины» власти снисходили крайне редко, а преследования носили характер массового террора, объектами которого были не отдельные люди, а целые общины, поселения и пр.; все эти меры осуществлялись аппаратом государственной власти.

Но наиболее важное (по крайней мере в рамках нашей концепции) различие между этими двумя идеологическими конфликтами состояло в том, что в Европе еретики, если рассматривать их в исторической

перспективе, были в общем носителями прогрессивных веяний - сначала «разведчиками тропинок», а затем и «перебежчиками» под знамена нового этического порядка - персоноцентризма. Про русских староверов этого не скажешь. **Как уже отмечалось, война государства с раскольниками являлась борьбой между двумя видами одного и того же этического типа. Противоборствовали старая, общинная, и новая, имперская этика**, т. е. ультраконсерваторы и консерваторы умеренные. Конечно, жестокие преследования раскольников породили среди мыслящих и совестливых людей всяческое к ним сочувствие. Более того, вокруг них возник ореол страдальцев за убеждения. Но идеализация староверческой идеологии как таковой, противопоставление ее исторически более позднему, имперскому типу системоцентристской этики как некоего выразителя подлинных, впоследствии утраченных ценностей возможны лишь с позиции патриархальной романтизации собственного исторического прошлого.

В этом, кстати говоря, состоит философия истории славянофильского направления русской общественной мысли, которое в рассматриваемый период времени достигло, пожалуй, наибольшего подъема.

Если бы мы преследовали цель проследить становление данного течения, то следовало бы в первую очередь обратиться к произведениям К.С.Аксакова - ведущего идеолога славянофилов в 40-50-е годы прошлого века. Но поскольку подобный экскурс лежал бы в стороне от нашей основной задачи, ограничимся рассмотрением интересующих нас аспектов славянофильства в его наиболее зрелых, законченных формах. Сущность какого-либо учения, как правило, лучше всего постигается, когда обращаешься к работам наиболее значительных и оригинальных его представителей. Поэтому обратимся в первую очередь к Н.Я.Данилевскому, самому крупному и интересному славянофильскому писателю, во всяком в период царствования Александра II.

Книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» впервые увидела свет в 1869 г. 29) Она несомненно обладает рядом литературных и научных достоинств. Я обращаюсь к ней прежде всего потому, что в ней

содержится систематизированное, логически четко структурированное изложение славянофильской концепции. Однако ее ценность этим отнюдь не исчерпывается. В целом книга имеет двойственный характер. С одной стороны, в ней есть немало построений и рассуждений, до сего времени не утративших общенаучной ценности. В данной связи можно указать на некоторые рассуждения, как бы предваряющие методологию системного подхода, но в первую очередь это, конечно, относится к теории культурно-исторических типов, в которой автор в значительной мере предвосхищает основные положения тойнбианской концепции развития и упадка цивилизаций.

Но с другой стороны, в книге есть и мощный почвеннический пласт, который, особенно по контрасту, вызывает по меньшей мере тягостное недоумение. Например, читатель, «воспарив духом» после далеко не бесспорных, но любопытнейших рассуждений о циклах развития и эволюции различных культурно-исторических типов, о различиях в психическом строе разных народов, вдруг с размаху плюется в болото исполненных доморощенного кондового тщеславия рассуждений на тему о том, что у России-де все хорошее - свое, а все плохое идет от европейских влияний. Чего стоят, скажем, такие «перлы», как: «В русском обществе противобщественных, противугосударственных, противуправительственных интересов вовсе не существует», или: славяне, и в первую очередь русские, «одни из наиболее одаренных политическим смыслом семейств человеческого рода»!? 30) И это, увы, не отдельные заклинания, а значительная часть содержания и пафоса книги.

Талантливый, самобытный мыслитель временами будто захлестывает мутная волна псевдопатриотического тщеславия и верноподданнических чувств. Естественно, что это пагубно сказывается на уровне авторской рефлексии, на глубине и научной ценности его построений. Данилевский пытается приспособить свою весьма спорную, но безусловно оригинальную концепцию всемирно-исторического развития к доморощенным этическим идеалам и туземным политическим ценностям. В его конструкции славянский культурно-исторический тип бездоказательно провозглашается самым лучшим, самым

перспективным, самым многосторонним 31). Поэтому он-де и должен прийти на смену закатывающейся романо-германской цивилизации. Печально констатировать это, но Данилевский как политический мыслитель оказался явно не на уровне своего философско-исторического дара. Приверженность к почвенническим ценностям сыграла с ним грустную шутку.

К сожалению, мираж «русской исключительности» и, хуже того, якобы «мессианского предназначения» российского государства порой дурманил даже самые светлые, всечеловеческие умы. Он не пощадил и такого мыслителя, уникального по своей духовной чистоте, цельности, «родственной» раскрытости и обращенности ко всем людям, ко всем живущим и умершим, как Н.Ф. Федоров, о котором Л.Н. Толстой говорил, что он гордится тем, что живет в одно время с подобным человеком. Автор «Философии общего дела», проповедник нравственной необходимости сосредоточения всех усилий человечества на задаче всеобщего воскрешения предков и заселения ими Космоса, Федоров был искренне убежден в исключительности роли России в разрешении этой общечеловеческой задачи. А отсюда оставался только один шаг до признания исключительности роли русского государства. И Федоров, жизнь и философия которого были глубочайшим воплощением персоноцентристской этики, полным отрицанием тупого, бездуховного системоцентризма русского мира, и в частности его властной структуры, увы, сделал этот шаг, вообразив русское государство носителем некоей высокой провиденциальной миссии. Воистину огромна ослепляющая сила магнетизма родной почвы.

Впрочем, Н.Ф. Федоров - фигура настолько выдающаяся, неординарная, что, видимо, не следует пытаться втиснуть его в рамки какой-либо схемы. И уж мы-то во всяком случае не будем заниматься столь кощунственным делом. Обратимся к фигурам помельче.

Таким любопытным, но вполне подлежащим классификации на общих основаниях персонажем является, например, Р.А. Фадеев. Его книжка «Письма о современном состоянии России», видимо, пользовалась немалой популярностью, поскольку за два года выдержала целых четыре издания (с 1880 по 1882 г.) 32). Ее можно рассматривать как

пример «просвещенного» славянофильства, даже с некоторым уклоном в сторону либерального свободомыслия, так как автор отнюдь не чуждается критики правительства, призывает к развитию начал общественного самоуправления и отмене предварительной цензуры. Однако критика ведется с сугубо консервативных позиций.

Основной пафос книги состоит в том, что начиная с Петра I власть-де отделилась от народа, поставив между собою и им бюрократическую прослойку, которую автор обвиняет во всех возможных грехах и на головы которой накликает все громы небесные. Он призывает к избавлению от бюрократии, к замене ее представителями «земли» и восстановлению тем самым общественного согласия, существовавшего, по его мнению, в допетровские времена. Несмотря на ряд критических замечаний в адрес власти, Фадеев решительно отвергает западные образцы ее ограничения, оставаясь на позициях апологии самодержавия, которое лишь должно избавиться от виноватых во всем промежуточных звеньев и восстановить свое древнее трогательное единение с народом. Наряду с постоянной критикой чуждых влияний у автора периодически прорывается шовинизм по отношению к «нерусским окраинам». Таким образом, фадеевский идеал, по сути, имеет абсолютно консервативную, охранительную направленность, которая лишь приправлена некоторыми атрибутами нового времени на манер выпадов против предварительной цензуры. К тому же своими нападениями на либералов Фадеев полностью раскрывает сугубо тактический, неискренний характер делаемых им экивоков в сторону некоторых западных институтов. По его мнению, либералы вкупе с демократией суть «культурная опричнина», которая, во-первых, безнадежно оказенивает все, к чему прикасается, а во-вторых, упорно пытается протащить и вообще-то нелепые, а у нас-де и подавно не имеющие никакой почвы западные порядки и учреждения, препятствуя тем самым развитию «подлинно русских» начал.

Читая Фадеева, ясно сознаешь, что славянофильство, даже якобы «либерального» толка, было несомненным препятствием на пути тенденций социальной и культурной модернизации русского общества. При проекции его идеологии на социально-этическую ось становится

очевидным, что оно противодействовало развитию нового этического типа и, более того, пыталось ориентировать массовое сознание на реставрацию наиболее древней и косной системы моральных ценностей. При проекции же на социально-психологическую ось видно, как славянофильская идеология препятствовала размыванию и способствовала укреплению таких традиционных национальных стереотипов, как повиновение ничем не ограниченной власти, неприятие всего «не нашего», отсутствие личностного политического и гражданского самосознания и пр. В оценке производного от этих идей политического аспекта славянофильской идеологии мы солидарны с мнением одного из западных исследователей российской политической истории, писавшего: «На практике эта концепция аполитичного характера народа может быть использована для обоснования идеи, согласно которой вся власть должна быть сосредоточена в руках царя, так что народ освобождается от любой необходимости принимать какие-либо политические решения» 33).

Важным побочным следствием распространения славянофильской идеологии стала активизация великоросского шовинизма и диаспорофобства, в частности оживление антисемитизма, что имело пагубные последствия не только для жертв погромов и притеснений. Преследование евреев нанесло всему обществу по меньшей мере тройкий ущерб: нравственный, поскольку способствовало развязыванию в народе низменных чувств; интеллектуальный, поскольку лишало общество возможности использовать умственный потенциал еврейства во всеобщих интересах; экономический, так как ограничивало предпринимательскую активность евреев и возможности привлечения их капиталов в народное хозяйство. Г.С.Померанц отмечает, что почвенничество нельзя примитивно интерпретировать как идеологию погрома, но нельзя закрывать глаза на то, что погром - одно из возможных следствий почвенного романтизма 34). В России, как мы знаем, почвеннические и погромные элементы не только тесно переплелись в идеологическом отношении. Впоследствии, в 1905 г., их идейное единство получило и организационное оформление в печально знаменитом «Союзе русского народа» 35).

Но, как отмечает тот же Померанц, романтическое почвенничество, особенно когда оно сочетается с комплексом собственной неполноценности, несет в себе заряд агрессивности, который обрушивается не только на «врагов внутренних», но и на «врагов внешних», т. е. стимулирует ксенофобию в самом широком смысле - как тотальное противостояние любым инородческим общностям. (В разбиравшейся нами в первой части работы поршневатой схеме его можно обозначить как тотальную конфронтацию между «мы» и «они».) В русской мысли рассматриваемого периода крайним выражением подобной идеологии стал панславизм с его попытками теоретически «освятить» противоборство между славянством и Европой, в частности на юго-востоке континента, в борьбе за Константинополь (так называемый восточный вопрос), а также обосновать исключительность «русской миссии» в деле объединения славянского мира и в руководстве им.

Панславизм, по существу, представляет логическое завершение славянофильства, хотя и отличается от его мечтательной оболочковатой расслабленности своим воинствующим духом агрессивного мессианства. Ведь между неприятием чужой культуры, что, как правило, сопровождается превознесением своей собственной, и признанием за собой права навязывать всем прочим собственные культурные стандарты пролегает лишь минимальная дистанция. И панслависты, отбросив сантименты «мирных» почвенников, легко преодолели ее.

Своего апофеоза панславизм достиг во второй половине 70-х годов, во время русско-турецкой войны на Балканах. Тогда в речах панславистов медь и маршевые ритмы полковых оркестров стали заглушать благостные звуки православных литургий. Обнаружилось подозрительно близкое родство духовного мессианства с самым тривиальным гегемонизмом.

В качестве образца этого стиля обратимся к страницам «Дневника писателя» за 1877 г. Ф.М. Достоевского: «Славянофильство, кроме объединения славян под началом России, означает и включает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому

человечеству и цивилизации его свое новое здоровое и еще не слыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединении всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат не в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я» 36). Или же: «...задача наша глубже, безмерно глубже. Мы, Россия, действительно необходимы и неминуемы и для всего восточного христианства, и для всей судьбы будущего православия на земле, для единения его. Так всегда понимали это наш народ и государи его. Одним словом, этот страшный восточный вопрос - это чуть не вся судьба наша в будущем. В нем заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нем окончательное столкновение наше с Европой и окончательное единение с нею, но уже на новых, могучих, плодотворных началах. О, где понять теперь Европе всю ту роковую жизненную важность для нас самих в решении этого вопроса! Одним словом, чем бы ни кончились теперешние, столь необходимые, может быть, дипломатические соглашения и переговоры в Европе, но рано или поздно, а *Константинополь должен быть наш*, и хотя бы лишь в будущем только столетии! Это нам, русским, надо всегда иметь в виду, всем неуклонно» 37).

Однако мы, русские, живущие в конце XX в., испытываем по поводу этих переполненных агрессивным националистическим пафосом строк совсем другие чувства, нежели те, к которым призывает нас Достоевский. Умудренные знанием новейшей истории, мы хорошо помним, какую цену заплатило человечество за попытки воплотить в практику подобного рода рассуждения.

Подлинный страшный смысл сих высокопарных слов, в различных вариациях и с различной национальной и идеологической окраской, увы, не раз звучавших над миром за последнее столетие, раскрывается через предвосхитившие Ф.Ницше откровенно милитаристские рассуждения

Достоевского: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь «братьев-славян», измученных турками, подымаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немочи рабства и в духовной тесноте» 38). Достоевский в пылу проповеди проговаривается, оглашая то, о чем политики от панславизма предпочитали умалчивать: оказывается, освобождение «братьев-славян» - лишь ширма, повод для решения посредством военного кровопускания и собственных внутривластных задач. Далее он развивает печально известную из других, более поздних источников теорию, согласно которой война «лучшее средство для оздоровления мира: «Поверьте, что в некоторых случаях, если не во всех почти (кроме разве войн междоусобных), - война есть процесс, которым именно с наименьшим пролитием крови, с наименьшей скорбью и с наименьшей тратой сил достигается международное спокойствие и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальные отношения между нациями. Разумеется, это грустно, но что же делать, если это так. Уж лучше раз извлечь меч, чем страдать без срока. Напротив, скорее мир, долгий мир зверит и ожесточает человека, а не война. Долгий мир всегда рождает жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное - умственный застой. В долгий мир жиреют лишь одни эксплуататоры народов» 39).

Ученые, специально изучающие творчество Ф.М. Достоевского, находят различные более или менее убедительные объяснения причин, по которым христианское, в своей основе глубоко гуманистическое сознание писателя приняло в себя идеи узколобого национализма и милитаризма. И мы с радостью верим этим объяснениям, облегчающим наши души. А то уж больно не по себе становится от местами почти текстуального совпадения рассуждений из «Дневника писателя» с пассажами автора «Моей борьбы». И завершая обсуждение темы о Достоевском как идеологе панславизма, сошлемся еще раз на Г.С. Померанца, отмечавшего, что идеи, плодотворные в искусстве (где романтизм вообще обнаруживает свои сильные стороны, а Просвещение - свою слабость), могут оставаться неплодотворными и опасными в общественной практике. Взлеты и падения по ту сторону

здорового смысла привлекают и захватывают в духовной жизни (и в литературе, идущей по следам этой жизни); но в общественной практике осторожный и трезвый реализм сохраняет свои преимущества» 40). Из данного суждения вытекает, что **почвенничество может быть плодотворным для отдельного художественно одаренного индивида**, поскольку оно привносит в его мироощущение, и так тонкое и многогранное, дополнительную, порой очень важную грань; **однако для массового сознания**, которое воспринимает мир достаточно примитивно, плоско, одномерно, в которое просто не помещаются многомерные его модели, **почвенничество может служить лишь дополнительным ограничителем, добавочными шорами.**

Но в ходе подобных рассуждений мы снова сталкиваемся с призраком вопроса, который в принципе давно решен интеллигентским самосознанием, однако постоянно возникает перед сознанием массовым: «А не является ли такое направление мыслей антипатриотическим, не означает ли оно предательства по отношению к своей Родине?» Говоря о первой половине XIX в., мы показали, как впервые возник в России гражданский ответ на этот вопрос, как понятие любви к отечеству перестало быть синонимом верноподданничества, а патриотизм перестал быть «чувством государственным». Послушаем теперь, как отвечали на него интеллигенты 70-х годов.

Варфоломей Зайцев... Ныне это имя почти забыто. Но в свое время оно стояло в русской публицистике очень высоко. В 1869 г. Зайцев уехал за границу и там постоянно выступал на страницах выходившей с 1877 г. в Женеве эмигрантской газеты «Общее дело». В одном из номеров издания за 1877 г. он опубликовал статью «Наш и их патриотизм», в которой анализирует официозную подоплеку славянофильского псевдопатриотического славословия и противопоставляет ему альтернативу подлинного патриотизма: «Есть два манера любить свой народ и свое отечество. Первый манер любить его так, как каждый из нас любит хорошее жаркое... Этот способ любви чрезвычайно психически прост и понятен всякому идиоту, почему идиотами и признается единственно нормальным. Надо сознаться, что в сравнении с

этой простотой наше народолюбие и наш патриотизм представляются вещь до того сложной, что непонимание его идиотами сопровождается для них смягчающими обстоятельствами... Относясь беспристрастно к своей родине, мы видим в ней вместо сочного жаркого одну из самых обездоленных частей земного шара, населенную одним из самых забитых и отсталых человеческих племен. Официальные патриоты заинтересованы в том, чтобы она такую и оставалась, так как и в этом виде она им представляет вкусное блюдо, снабжая в изобилии севрюжиной, морошкой и вологодскими рябчиками. Мы же заинтересованы в том, чтобы вывести родину из этого невзрачного положения. Беспристрастный человек может легко рассудить, чей патриотизм бескорыстнее и чьи стремления выгоднее для самой родины» 41).

В басенной форме отвечал на тот же вопрос наиболее глубокий и едкий из критиков российского казенного имперского самосознания - М.Е. Салтыков-Щедрин. Помните его сказку о маленьком кроте, который пытался выбраться к свету и солнцу из холодной сырой норы, но столкнулся с категорическим материнским запретом, мотивированным тем, что эта темная и сырая нора есть его отечество? Она так и называется: «Добрый патриот». В другом месте писатель ядовито замечает: «Начальство полагает, что наилучшее выражение патриотизма заключается в беспрекословном исполнении начальственных предписаний» 42).

Но ни обличения, ни анализ, ни сатира не могли разрушить массовые национальные стереотипы. Более того, если раньше почвенничество носило стихийный характер и аккумулировалось главным образом в сознании простонародья, то теперь положение изменилось. В рассматриваемый период времени славянофильское движение стало весьма популярным и среди образованного общества, приобрело значительный интеллектуальный и моральный капитал. По-видимому, это можно объяснить тем, что оно выступило как антитеза усиливавшемуся западничеству как либерального, так и радикального, экстремистского толка. Это была защитная реакция системоцентристского сознания, представлявшая апелляцию к

заклучавшим в себе сильный эмоциональный заряд великоросским националистическим стереотипам. В целом же славянофильство (в рамках нашей конструкции) следует рассматривать как консервативную, охранительную интеллектуальную реакцию на начавшееся распространение западного персонцентристского генотипа, в первую очередь в этической сфере.

В каре, охранявшем подходы к «кощееву сундуку» российского системоцентризма, плечом к плечу со славянофильством стояла и православная церковь.

До сих пор мы мало говорили о православии как элементе русской национальной культуры. Не исключено, что у образованного читателя это могло вызвать по меньшей мере недоумение, ибо общеизвестно, что православная идеология на протяжении столетий составляла основу мировоззрения русского общества. Однако подобный «пробел» в нашем изложении отнюдь не случаен, поскольку при избранном нами подходе он перекрывается другими аспектами анализа.

Мы отнюдь не пытаемся преуменьшить значение православия в русской жизни. Это было бы просто нелепо. В некоторых отношениях историческая роль православия настолько своеобразна и существенна, что абсолютно недопустимо растворять ее среди каких-либо иных аспектов. Так обстоит дело, если исследованию подлежат, например, проблемы истории отечественной философской мысли либо корни и генезис русской художественной культуры, российских эстетических стереотипов. И как феномен историко-философский, и как феномен художественно-эстетический православие не только заслуживает, но и настоятельно требует всестороннего самостоятельного изучения. Без такого изучения просто-таки невозможно понять подлинные истоки и смысл названных явлений. В основе своей православие несет огромный нравственный очистительный потенциал. Именно с реализацией этого потенциала во многом связаны те привлекательные, имеющие несомненное общечеловеческое значение черты русского национального характера, которые составляют позитивную сторону уникального феномена, получившего название «загадочной русской души». Однако мы, пишущие прежде всего «историю болезни»,

вынуждены акцентировать внимание на ином - на роли оказанной православной церкви.

В социально-этическом же, социально-психологическом и рассматриваемом нами в качестве производного от них политическом аспектах православная идеология и православная церковь не играли какой-либо самостоятельной роли, которая бы сколько-нибудь заметно диссонировала с общей направленностью системы. В формировании общественного сознания и контроле над ним официальная православная церковь выполняла вспомогательные, сугубо охранительные функции. По своим взглядам православное духовенство было одной из наиболее консервативных групп общества. Сама же православная идеология, будучи послушным инструментом в руках светской власти, являлась одним из краеугольных камней системоцентристской твердыни.

Таким образом, и в этой общественной группе, которая по своему статусу, казалось бы, в максимальной степени должна была быть ориентирована на духовные, гуманистические ценности, русская интеллигенция не могла надеяться обрести союзника. Как уже отмечалось, она в своих устремлениях оставалась одинокой. Результатом подобного положения стало резко обозначившееся отчуждение интеллигенции от системы. Лучшая часть имевшихся у общества мозгов была занята не конструктивной задачей совершенствования и развития системы, а деструктивной - ее разрушением. Уже цитировавшийся Д. Хаммер обозначает две стороны этого феномена. Первую сторону - как «отчуждение компетенции, ибо «система оказалась не в состоянии привлечь способных людей на высокие официальные посты или хотя бы доверять тем из них, кто занимал такие посты». Говоря о второй стороне, он отмечает, что в России «быть интеллигентом означало быть врагом системы» 43). Действительно, подобная социальная аномалия не могла пройти безнаказанно для породившего и поддерживавшего ее общества.

Однако, на наш взгляд, для полноценного понимания ситуации, ее корней, специфики и последствий необходим дифференцированный подход к феномену русской интеллигенции. Как уже отмечалось, примерно в 60-х годах прошлого века в среде русской интеллигенции

сложились два весьма отличных друг от друга направления. Одно из них исповедовало новые для общества персоноцентристские ценности. Второе, внешне более радикальное, избрало в качестве идеала иную модификацию все той же системоцентристской традиции.

В сфере политики интеллигенты-персоноцентристы обычно придерживались либеральных взглядов, т. е. с точки зрения принятых в этой сфере стандартов оценки той или иной позиции были умеренными. Интеллигенты же системоцентристского толка чаще всего склонялись к какой-либо из версий радикализма. Незначительная, но весьма влиятельная часть интеллигентов-системоцентристов исповедовала славянофильские воззрения. Однако в общем славянофильская концепция в силу присущего ей консерватизма и некритического нарциссизма находила более энергичный отклик среди других слоев общества.

Наиболее ярким примером интеллигентского системоцентристского радикализма может послужить партия «Народная воля». Число активных членов организации было ничтожным - единовременно оно ни разу не превысило 30 человек, - так что в полном смысле слова ее и партией-то назвать нельзя. Однако этот формальный критерий в данном случае ни в коей мере не отражает масштабов общественного резонанса ее деятельности. В течение нескольких лет горсточка людей вела единоборство со всемогущим правительством Империи. Общество, затаив дыхание, наблюдало за этой необыкновенной «царской охотой», в которой владелец «шестой части обитаемой суши» играл роль не охотника, а был чем-то наподобие дичи. Такого рода ситуация оказалась возможной лишь потому, что народовольцы опирались на, казалось бы, пассивную, но весьма действенную поддержку со стороны значительной части тогдашней интеллигенции. Это проявлялось и в форме финансовой поддержки, и в помощи в конспиративных делах, и в том, что Исполнительному комитету партии, несмотря на постоянные аресты, до последнего времени удавалось рекрутировать в свой состав все новых и новых членов. Важнейшую роль играла моральная поддержка, которую «дезорганизаторы» получали от радикальных интеллигентов. Именно наличием этого «морального мандата» и объясняется, на наш

взгляд, та фантастическая энергия и целеустремленность, с которыми действовали народовольцы. И плехановские попытки при помощи арифметических выкладок доказать ничтожность сил народовольцев выглядят не совсем убедительными 44), поскольку в них не принимается в расчет существование волны того радикалистского умонастроения, гребнем которой были Желябов и его соратники.

В данной обстановке, как это всегда бывает при поляризации политических сил, существенно ослабли позиции либералов. Мы уже говорили, что соблазны радикальной идеологии были весьма велики и она обладала значительной притягательной силой, особенно для романтически настроенной нетерпеливой молодежи.

С другой стороны, жесткая реакция правительства на деятельность радикалов, общее «поправление» его внутривнутриполитического курса, его нерешительность и даже попятные действия по ряду вопросов также укрепили позиции радикалов и, соответственно, ослабили либералов. Репрессии по отношению к революционерам применялись в той степени, которая скорее возбуждает сочувствие к жертвам преследований и воодушевляет на борьбу, нежели устрашает и подавляет общество.

Итак, обстоятельства способствовали тому, что системоцентристское крыло интеллигенции постепенно усиливалось, а персоноцентристское - ослабевало. В 70-е годы в лагере оппозиционной контркультуры, к которому принадлежала практически вся интеллигенция, радикалы-системоцентристы стали все в большей степени задавать тон. К тому же они в отличие от либералов по своей природе не были склонны к колебаниям и нерешительности. Радикалы всегда есть «люди действия». Они овладели положением, и события покатались по пути к катастрофе.

В своей первоначальной форме народническое движение представляло смешение носителей обоих обозначенных мировоззрений. Однако когда обнаружилось, что революционная пропаганда не обещает скорого успеха, верх в движении взяли наиболее решительные и нетерпеливые из народников, а самые фанатичные из них стали на путь индивидуального террора. Террор же, как известно, рождает террор ответный. Власть и террористы сцепились в яростной схватке, где

каждый удар превращался главным образом в акт возмездия, вызывая в свою очередь ответный удар. Ни у одной из сторон не хватило мужества разорвать этот порочный круг.

Власть, правда, предпринимала некоторые попытки найти какой-то компромисс, но они были слишком слабыми и нерешительными. Пожалуй, наиболее серьезной и многообещающей из таких попыток можно считать работу лорис-меликовской комиссии, которая разрабатывала программу либеральных преобразований общественной жизни страны. Однако программа эта опоздала. Террористы же и слышать не хотели ни о каком компромиссе. Самой важной задачей революционной партии они считали «приведение в исполнение смертного приговора», вынесенного ими императору.

Травля и убийство Александра II стали апофеозом трагедии. Люди, осуществившие эту акцию, несомненно заслуживают того, чтобы о них помнили. Почти все они были очень самоотверженными и честными, а многие из них - и весьма незаурядными личностями. Однако их ослеплял блеск ложной идеи относительно возможности моментального хирургического исцеления общества. В качестве инструмента для операции они избрали террор - «дезорганизацию». И в том, что руками этих благородных, всецело принесших свои жизни на алтарь блага России, людей совершилось великое историческое зло, состоит один из самых горьких парадоксов русской истории.

Как известно, 1 марта 1881 г., в половине третьего пополудни, в Петербурге, на Екатерининском канале, террористы достигли своей цели. Царь был убит. Но **победа партии народолюбцев обернулась для России крушением величайшей в ее истории возможности для перехода на новый путь развития.** Как мы помним, подобный шанс был упущен далеко не в первый раз. Однако в данном случае он был наиболее значительным: сложилась всячески поддерживавшая перемены социальная группа, общественный климат в целом становился все более благоприятным, необходимость изменений признала и сама власть, да, собственно, весьма существенные перемены уже произошли, готовились новые, и не так уж далеко оставалось до рубежа, после

которого процесс становится необратимым. И в один момент все рухнуло!

Более того, события 1881 г. в значительной мере предопределили неизбежность катастрофы 1917 г., ибо намечавшийся союз между властью и носителями изменений был начисто разорван. В результате в государственной политике вновь прочно воцарились консерватизм, ориентация на сознание и ценности наиболее закостенелых слоев населения. Феномен «отчуждения компетенции», на который справедливо указал Д.Хаммер, представляется лишь частью общего процесса отчуждения прогрессивной культуры.

Парадоксально, но в последние два царствования двор по своим общественным идеалам и стилю мышления был наиболее близок не к культурной части общества, а к самым отсталым, «животно-патриотическим» его элементам. Социальная опора, на которую мог твердо рассчитывать трон, сузилась до самой консервативной, агрессивной в своей косности части народа, той части, в толщу которой еще ни в малейшей степени не проникли персонцентристские веяния эпохи. В качестве примера подобного альянса достаточно вспомнить о таких пользовавшихся высочайшим покровительством массовых черносотенных организациях, как «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела», а также о поразительно сходной с ними по идеологии элитарной «Священной дружине». «Крайние системоцентристы» до поры верно несли свою охранительную службу, но позднее, как мы увидим, инстинктивно почувствовали угрозу всей системе и пожертвовали верхушкой социальной пирамиды для сохранения системы в целом.

Интеллигенция, которая в той исторической ситуации была единственной силой, способной привести общество не к иллюзорному, а к действительному исцелению его болезней, целиком потеряла доверие власти и оказалась наглухо отрезанной от процессов выработки социальной политики, от принятия политических решений. Поле деятельности, открывшееся перед ней в 50-е годы, было потеряно. Действия одного крыла интеллигенции были возведены общественным сознанием в ранг родового признака целой группы, цели и методы

немногих были приписаны всем интеллигентам. **Распространение в интеллигентской среде умонастроения, системоцентристского по сути, однако задрапированного в радикалистские одежды, стало причиной общенациональной трагедии.**

Между 1881 г. и завершением 304-летней истории правления романовского дома прошло три с половиной десятилетия - два царствования. Однако они не внесли в ситуацию принципиальных изменений. Конечно, появились и новые факторы, происходили крупные политические события, но основной вектор исторического движения уже определился. Динамика развития ситуации подчинялась тем главным тенденциям, которые оформились к концу царствования Александра II и были скреплены кровью, пролитой 1 марта.

Среди них очень важное, а может быть, и главное по масштабу порожденных последствий место занимает, на наш взгляд, раскол русской интеллигенции на два лагеря. В течение царствования Александра III и Николая II он продолжал усугубляться. И под знаком этого раскола, предвещавшего новые, более страшные, чем все предыдущие, испытания, протекли следующие четыре десятилетия нашей истории.

Сноски к главе 5.

- 1 Энгельс Ф. Русские // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.6. С.470.
- 2 Голоса из России. Сборники А.И.Герцена и Н.П.Огарева. М.,1974.Вып.I. Кн.I. С.9-10 (авторы К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин).
- 3 См.: Записка о письменной литературе // Голоса из России. Вып.I. Кн.I. С.37-61 (автор неизвестен).
- 4 Плеханов Г.В. О книге «М.М. Стасюлевич и его современники» // Соч. М.; Л., 1927. Т.24. С.66.
- 5 См.:Чичерин Б.Н. О крепостном состоянии // Голоса из России. М.,1974. Вып.I. Кн.II. С.127-229.
- 6 Там же. С.229.

- 7 См.: Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни // Там же. М., 1975. Вып.II. Кн.IV. С.72-78.
- 8 См.: Записки С.М.Соловьева. Пг., 1915. С.150.
- 9 См.: Мельгунов Н.А. Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России // Голоса из России. Вып.I. Кн.I. С.86-87.
- 10 См.: Там же. С.124.
- 11 См.: Там же. С.99-100.
- 12 См.: Там же. С.111-116.
- 13 Там же. С.117.
- 14 Там же. С.119-120.
- 15 См.: Мельгунов Н.А. Приятельский разговор // Там же. Кн.II. С.21-23.
- 16 Письмо из провинции // Там же. С.119 (автор неизвестен).
- 17 Чичерин Б.Н. Об аристократии, в особенности русской // Голоса из России. Вып.I. Кн.III. С.97.
- 18 См.: Там же. С.72-73.
- 19 См.: Шнуровая книга обличений // Там же. С.145-164 (предисл. А.И. Герцена, в публикациях участвовал Н.П. Огарев).
- 20 Там же. С.147.
- 21 См.: Там же. С.128-129.
- 22 Письмо помещено в издании, представляющем библиографическую редкость: Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева, 1892. С.48.
- 23 От издателя // Голоса из России. Вып.I. Кн.III. С.VI.
- 24 Реформы Александра II - отдельная большая тема, лишь косвенно связанная с нашим аспектом анализа. Но нельзя не отметить несомненно прогрессивный характер этой, может быть, самой значительной в истории России попытки высшей власти заложить институционные основы гражданского общества. В первую очередь это, разумеется, относится к Земской и Судебной реформам 1864 г. И то, что персонцентристский потенциал реформ реализовался лишь частично, во многом и привело страну к последующим трагедиям. О причинах именно такого развития событий, собственно, и идет речь в настоящей главе.
- 25 Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч. М., 1950. Т.5. С.217.

- 26 Плеханов Г.В. Революционное движение семидесятых годов (конспект) // Соч. М.;Л. 1927. Т.24. С.126.
- 27 Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал.Ив. Герцену. С.58, 60.
- 28 См.: Льюренте Х.А. Критическая история испанской инквизиции. М. 1936.
- 29 Мы пользуемся более поздним ее изданием: Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому.СПб., 1895.
- 30 Там же. С.309,530.
- 31 Согласно Данилевскому, существовал ряд «одноосновных» типов: еврейский - исключительно религиозный, эллинский - культурно-художественный, римский - политический; романо-германский тип - «двухосновный» - политико-культурный. Славянский же тип развивается и в перспективе обещает стать «четырёхосновным», т. е. включить в себя все прочие части как составные.
- 32 См.: Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России (11 апреля 1879 - 6 апреля 1880) Изд.4, доп. СПб., 1882.
- 33 Hammer D.P. USSR: The Politics of Olygarchy. ILL.,1974. P.102.
- 34 См.: Померанц Г.С. Долгая дорога истории // Знамя. 1991. № 11. С.185.
- 35 См.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.) М. 1992.
- 36 Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. // Полн.собр.соч. СПб., 1895. Т.11. Ч.1. С.240-241.
- 37 Там же. С.84-85.
- 38 Там же. С.110.
- 39 Там же. С.118.
- 40 Померанц Г.С. Указ.соч. С.185.
- 41 Зайцев В. Наш и их патриотизм // Прометей. 1966. № 1. С.295-296.
- 42 Салтыков-Щедрин М.Е. Признаки времени // Полн.собр.соч. СПб., 1906. Т.7. С.171.
- 43 Hammer D.P. Op.cit.P.21.
- 44 См.: Плеханов Г.В. Неудачная история партии «Народной воли» // Соч. Т.24. С.139-140.